

© А. Г. Девяткина

УДК 81+821.161.1 (092)Трифонов Ю.В.

ГРАФИЧЕСКИ ВЫДЕЛЕННОЕ СЛОВО В ЛЕКСИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ Ю. В. ТРИФОНОВА)*

А. Г. Девяткина (Новосибирск, Россия)

Слово, выделенное разрядкой, – характерный прием в идиостиле Ю. В. Трифонова. В статье рассматриваются функции графически выделенного слова, связь с другими текстовыми элементами, роль графически выделенного слова в организации ассоциативно-смыслового поля текста. Основные методы исследования: описательный метод, метод непосредственных наблюдений, метод сопоставительного анализа, структурно-коммуникативный анализ текста и метод филологической герменевтики. В статье сделан акцент на функциональном аспекте изучения графически выделенного слова. Были выявлены основные функции, характерные для слова выделенного разрядкой и продемонстрированы системно-иерархические отношения между ними. Также показано, что графически выделенное слово вступает в синтагматические и парадигматические связи в тексте, участвует в формировании тематической сетки и ассоциативно-смыслового поля текста.

Ключевые слова: графически выделенное слово, идиостиль, Ю. В. Трифонов.

Выделение слова разрядкой – это художественный прием, характерный для идиостиля Юрия Трифонова. Под термином «прием» мы понимаем «все те средства и ходы, которыми автор пользуется при «устройении» (композиции) своего произведения» [4].

Выделенное слово в художественном тексте исследуется как в лингвистике, так и в литературоведении [6–7; 9]. В лингвистике этот вопрос освещен в трудах И. В. Арнольд [1], Л. Г. Бабенко, И. Е. Васильева,

Ю. В. Казарина [2]. В литературоведении выделенным словом занимались такие ученые как: Л. Я. Гинзбург, Б. А. Успенский, Ю. М. Лотман и др.

В нашей работе внимание акцентировано на динамике развития художественного приема и на взаимодействии графически выделенного слова с другими текстовыми элементами. Напомним, «творческий замысел автора произведения, характер отображаемой действительности, индивидуально-авторские

* Статья подготовлена в рамках реализации Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «НГПУ» на 2012–2016 гг., конкурс молодых ученых.

Девяткина Анастасия Геннадьевна – аспирант кафедры современного русского языка, ИФМИП, Новосибирский государственный педагогический университет.
E-mail: devyatkina.anastasiya@yandex.ru

мировоззренческие установки, особенности художественного мышления автора текста, а также осознанное или неосознанное отношение к языку, его потенциалу, нормам определяют принципы отбора языковых единиц и организации речевой структуры литературно-художественного произведения» [2, с. 278].

Здесь мы можем выделить несколько особенностей. Во-первых, Юрий Трифонов экспериментировал со способом графического выделения: разрядка, ставшая сквозным приемом, появилась не сразу. В ранних произведениях мы встречаем закавычивание слова, прописное начертание, более того, смешение способов выделения, что свидетельствует об авторском поиске в области формы. Во-вторых, от единичного появления выделенного слова в тексте автор идет к систематическому его употреблению. Выделенное разрядкой слово, нагруженное особыми функциями в художественном тексте, становится характерной чертой идиостиля писателя. В-третьих, и это главное, меняется функциональная нагрузка выделенного слова. Если в ранних произведениях выделенное слово монофункционально, то в более поздних происходит наращение функций, наряду с ведущей функцией мы можем выделить сопутствующие, слово «становится полифункциональным» (см. [5]).

Приведем пример из ранней киноповести «Бесконечные игры»:

В голосе Маши снова колкость. Материнская цензура ей досадна.

– А куда вы идете?

– Мы идем на футбол.

– Прекрасно дома не убрано, нет ни картошки, ни мяса, ни молока для ребенка, и одна исчезает неизвестно куда. А другая гордо идет на футбол...

– Мама, у меня единственный свободный день. Могу я пойти куда хочу и с кем хочу?

«Автор с помощью разрядки выделяет интонационный центр, подчеркивает то, как произносится данное высказывание» [1, с. 232]. Выделенный фрагмент высказывания монофункционален.

Рассмотрим семантико-прагматическую специфику выделенного слова. Какие функции выполняет выделенное слово в поздних текстах Юрия Трифонова? Это могут быть как функции, которые являются типичными, характерными для любого художественного текста в целом: экспрессивная, функция интонирования и др.; так и собственно-авторские функции, характерные для творчества именно этого писателя.

В рамках данной статьи рассмотрим следующие функции: 1) хромотопическую; 2) функцию организации диалога/полилога читатель-герой-повествователь; 3) функцию разграничения своего/чужого слова; 4) функцию ключевого слова в лексической организации текста: выделенное слово зачастую является ключевым словом тематической сетки текста.

Хромотопическая функция – это функция, организующая связь временных и пространственных планов. Уместно в связи со сказанным вспомнить слова М. М. Бахтина: «Всякое вступление в сферу смысла совершается только через ворота хромотопов» [3: 406]. Выделенное слово связывает воедино несколько временных пластов произведения. Помогает повествователю перемещаться как во времени, так и в пространстве художественного текста.

И еще помню, как уезжали из того дома на набережной. Дождливый октябрь,

запах нафталина и пыли, коридор завален связками книг, узлами, чемоданами, мешками, свертками. Надо сносить всю эту хурду - мурду с пятого этажа вниз.

Ребята пришли помогать. Какой-то человек спрашивает у лифтера: «Это чья такая хурда - мурда»?

«Я помню, как уезжали из того дома на набережной ...». Это текст-воспоминание, в котором выделенное слово участвует в организации ретроспективного плана. Мы не входим во временной план прошлого, а смотрим отстраненно из настоящего. И из настоящего мы видим «связки книг, узлы, чемоданы, мешки, свертки». И тут появляется собирательное понятие, слово из детства – «хурда-мурда». Это слово связывает воедино прошлое и настоящее. Повествование теперь ведется из прошлого, от лица участника событий, а не вспоминающего о них. Повествователь вступает в диалог с самим собой, с собой маленьким, со своей компанией. Здесь проявляется также функция разграничения своего и чужого слова. Хурда-мурда – это слово, принадлежащее ребенку, лирическому герою и его компании; слово, которое нужно пояснить, чтобы оно было понятно, дать к нему комментарий.

Таким образом, выделенное слово в данном фрагменте выполняет следующие функции: хронологическую, связывая воедино временные и пространственные категории; функцию организации диалога между персонажем-ребенком и персонажем-взрослым; функцию разграничения своего и чужого слова и текстостроительную функцию. Ведущая функция – хронологическая, остальные сопутствующие.

Выделенное слово зачастую является «ключевым словом тематической сетки текста» (см. [4]).

Ярким примером намеренного выделения ключевых слов являются словосочетания «их жизнь» – «другая жизнь» в произведении «Другая жизнь». Во-первых, словосочетание изначально задано в сильной позиции – в заглавии текста – напомним: «то, что внимание читателя задерживается на заглавии и первой фразе текста, объясняется действием законов речевого прогнозирования» [1, с. 274]. Словосочетание «другая жизнь» и антонимичное ему по смыслу «их жизнь», повторяются в тексте более десяти раз. Являясь ключевым словом, оно организует синтагматические и парадигматические отношения в тексте, выстраивается система взаимосвязанных элементов, среди которых словосочетания «их жизнь-другая жизнь» выполняют ведущую роль.

Важно отметить тот факт, что собственно авторские функции не характерны для выделенного слова по отдельности, почти всегда выделенное слово в поздних произведениях писателя полифункционально. И мы можем говорить о главной функции и сопутствующих, об их иерархической организации, о наложении функций.

Он был совершенно н и к а к о й , Вадик Батон. Но это, как я понял впоследствии, редкий дар: быть н и к а к и м. Люди, умеющие быть гениальнейшим образом н и к а к и м и, продвигаются далеко. Вся суть в том, что те, кто имеет с ними дело, довоображают и дорисовывают на н и к а к о м фоне все, что им подсказывают их желания и их страхи. Н и к а к и е всегда везунчики. В жизни мне пришлось встретиться с двумя или тремя этой изумительной породы – Батон запомнился просто потому, что был первый, кому так наглядно везло за н и к а к и е заслуги, – и

меня всегда поражала окрылявшая их милость судьбы.

Во-первых, слово «никакой» выполняет текстостроительную функцию, шесть раз (лексический повтор) повторяясь в данном текстовом фрагменте, организует его в единое целое. Во-вторых, оно выполняет экспрессивную (происходит многократное «усиление» семантики) функцию: «никакой» это значимая характеристика, оценка одного из персонажей произведения. В-третьих, выделенное слово организует диалог между повествователем и читателем. Кроме того, оно оказывается связано с хронологической функцией, перенося нас в настоящее: слово – «никакой», это слово «взрослого» повествователя, повествователя из нашего времени. Таким образом, в данном отрывке экспрессивно-оценочная функция является ведущей, а все остальные – сопутствующими.

Обратимся к следующему примеру, чтобы проиллюстрировать, как оказываются связаны ключевые слова в художественном тексте.

А внутри отцовской природы, скрытым стержнем, вокруг которого все навивалось, было могучее качество – осторожность. То, что он говорил, посмеиваясь, в виде шутки – «Дети мои, следуйте трамвайному правилу – не высовывайтесь!» – было не просто балагурством. Тут была потайная мудрость, которую он исподволь, застенчиво и как бы бессознательно пытался внушать. Но для чего не высовываться? Кажется, ему представлялось это важным само по себе. Может быть, его душил, как душил грудная жаба, какой-то давнишний и неизжитый страх<...>даже в мальчишеском приятельстве отец видел какие-то опасности и предлагал «не высовываться». Он советовал Глебову бывать в том доме пореже, не обольщаться дружбой с Левкой,

потому что «у Шулепниковых своя линия жизни, у тебя своя и мешаться не надо» [8, с. 383].

Графически выделенное слово является ключевым в данном текстовом фрагменте, т.к. неоднократно повторяется в пределах одного смыслового отрывка, занимает сильную позицию конца предложения, кроме того, оно оказывается важным для понимания поведенческих особенностей одного из главных героев (отцовское «не высовываться», довольно близко к тому свойству быть «никаким», что является ключевой характеристикой Глебова). Особое внимание стоит обратить на то, кому принадлежит в данном случае выделенное слово, кто и как его использует. Изначально оно вводится в рамках прямой цитаты слов отца, как определенное житейское правило, «потаянная мудрость». Это чужое слово, и Глебов вступает с ним в диалог, где в рамках риторического вопроса слово оказывается выделено разрядкой. Обратим внимание на то, что слово появляется еще раз, но, вводится показатель того, что слово «чужое» – герой заключает его в кавычки. Слово, выделенное разрядкой, вступает в сложнейшие смысловые отношения с другими элементами текста, за счет сложных синтагматических и парадигматических связей, организуя определенное семантико-смысловое поле. «Не высовываться», ключевое слово в данном текстовом фрагменте, оказывается крепко взаимосвязано с другими ключевыми словами: страх, осторожность, опасности, тот дом и пр. Слово, являющееся ключевым в рамках отдельно взятого фрагмента, актуализируя синтагматические и парадигматические текстовые связи, выводит нас на уровень ключевых слов в рамках целого текста.

Мотив страха является одним из ключевых мотивов «Дома на набережной». Но, несмотря на то, что это сквозной мотив, автор выделяет слово «страх», лишь на «последних» страницах текста. До этого шло постепенное сгущение атмосферы страха, беспокойства, боязни — градация/нарастание страха. (Слово «страх» повторяется в тексте произведения 18 раз). Детство Глебова проходит именно в таких условиях: он боится, и боится всего. Вызывать страх может что угодно — и записка, полученная от одной из девочек в классе: *Получив записку, Глебов испытал мгновенный страх* [8, с. 376]; и дворовый хулиган Минька, с которым «никакой» Глебов умудряется поддерживать хорошие отношения, но, несмотря на это, испытывает животный, инстинктивный страх по отношению к Миньке и его банде. Интересно то, что и другие члены его семьи боятся «*всех этих бычковых*»: «*мать бледнела, а бабушка крестилась*» [8, с. 388]. *Но Глебов никогда Миньке ни на кого не жаловался. Вообще не использовал всех выгод Минькиного соседства. Потому что под тайным самодовольством пряталось в глубине совсем другое — страх, ледящий душу. Такой страх, какого не видал никто. Потому что никто, как Глебов, не знал и не чуял всех этих Бычковых, от голоса которых мать бледнела, а бабушка крестилась*» [8, с. 376].

Страх является основным мотивом действий Глебова: *Бурчание в животе прекратилось, но Глебов боялся, что оно возобновится каждую секунду. От этого страха он и выпалил: назвал Медведя, который действительно был главный подбивала*» [8, с. 398]. В данном примере, эмоция «страх» оказывается связана с физиологическими проявлениями и процессами — «бурчание в животе». И может

быть именно поэтому, благодаря физиологичности проявления, Глебов способен понять, что послужило причиной его поступка. В остальных случаях мотивы его поведения становятся понятными лишь спустя годы: *Но надо всем этим мучившим душу нагромождением тайно светился — тогда невидимый, теперь же обрел рисунок — невзрачный скелетик, обозначивший страх. Вот ведь что было истинное. Ну, это потом, потом! Проходят десятилетия, и, когда уже все давно смыто, погребено, ничего не понять, требуется эксгумация, никто этим адским раскопом заниматься не будет, внезапно из темноты, серой, как грифель, выступает скелет. Было сказано: «В четверг прийти и выступить!»* [8, с. 455]. *Тогда не догадывался о страхе. Ведь страх — неуловимейшая и самая тайная для человеческого самосознания пружина* [8, с. 476].

Рассмотрим составляющие ассоциативно-семантического поля «Страх» на основе приведенных выше текстовых фрагментов. Страх — *странный и полувнятный рисунок; скелет поступков (=основа поступков), его костяной рисунок; рисунок страх; бояться; скелет; страх — совершенно ничтожный, слепой, бесформенный, как существо, рожденное в темном подполье, — страх неизвестно чего, поступить вопреки, встать наперекор; невзрачный скелетик, обозначивший страх; скелет; адский раскоп; страх — оказаться вдруг на камнях, в крови, с переломанной ключицей? Тогда не догадывался о страхе, страх — неуловимейшая и самая тайная для человеческого самосознания пружина.*

Как мы видим из приведенных контекстов, страх — то истинное, что руководило поступками героя, именно страх

был одной из неуловимейших и тайных для человеческого самосознания пружин.

Подведем итоги: графически выделенное слово – ключевой прием в творчестве Ю. В. Трифонова. От ранних к поздним произведениям оно становится полифункциональным. Среди функций графически выделенного слова особое место занимает функция ключевого слова, которая позволяет слову вступить в многообразные

отношения с другими текстовыми элементами. Графически выделенное слово, выполняющее функцию ключевого слов в тематической сетке текста, требует дополнительного авторского маркирования. Оно неоднократно повторяется в тексте произведения, стоит в сильной позиции, оказывается связано с другими выделенными словами, ключевыми мотивами произведения и текстовым окружением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Арнольд И. В.** Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. – Спб., 1999. – 443 с.
2. **Бабенко Л. Г., Васильев И. Е., Казарин Ю. В.** Лингвистический анализ художественного текста. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 543 с.
3. **Бахтин М. М.** Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
4. **Девяткина А. Г.** Ключевое слово в системе графически выделенных средств в текстах Ю. В. Трифонова // Традиции и инновации в филологии XXI века: взгляд молодых ученых: материалы Всероссийской молодежной конференции / отв. ред. Т. А. Демешкина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. – С.167–171.
5. **Девяткина А. Г.** Полифункциональность выделенного слова в произведениях Ю. В. Трифонова // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики: Материалы конференции молодых ученых / под ред. А. А. Казакова. Вып. 12. – Томск: Издание ТГУ, 2011. – Том 1: Лингвистика. – С. 96–99.
6. **Жукоцкая З. Р., Василькова Е. В.** Слово-Логос: культурологический потенциал // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2012. – № 2(6). – С. 68–72.
7. **Заречнева Н. Г., Чупахин Н. П.** Структура теоретического знания и языковая коммуникация // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2012. – № 6(10). – С. 32–36.
8. **Зунделович Я.** Прием // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: в 2-х т. / под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чехихина-Ветринского. – М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. – Т. 2. П-Я. – Стб. 647–648.
9. **Трифонов Ю. В.** Избранное: повести. – М., 1997. – 496 с.

© A. G. Devyatkina

UDC 81+821.161.1 (092)Trifonov Yu. V.

GRAPHICALLY MARKED WORDS IN LEXICAL ORGANIZATION OF TEXT (IN TRIFONOV'S LITERARY AND PUBLIC WRITINGS)

A. G. Devyatkina (Novosibirsk, Russia)

Graphically marked word is a typical method in Yu. V. Trifonov's idiostyle. In this article was researched graphically marked word's function, its connection with others elements of the text, graphically marked word's role in organization of text's associative semantic field. Basic research methods: descriptive, direct observations, comparative analysis, structural and communicative text analysis and philological hermeneutics.

This article focuses on functional aspect of graphically marked word's research. Basic functions, typical for graphically marked word, were determined and shown structural hierarchical relations between them. Also, analysis shown that graphically marked word engaged in syntagmatic and paradigmatic relations within text, took part in forming text's thematic net and associative semantic field.

Keywords: *graphically marked word, idiostyle, Yu. V. Trifonov.*

REFERENCES

1. **Arnold I. V.** Semantics. Stylistics. Intertextuality. – SPb., 1999. – 443 p.
2. **Babenko L. G., Vasiliev I. E., Kazarin Yu. B.** The linguistic analysis of the artistic text. – Ekaterinburg: Ural University Publishing, 2000. – 543 p.
3. **Bakhtin M. M.** Esthetics of Creative Discourse. – M.: Art, 1979. – 423 p.
4. **Devyatkina A. G.** The key word in the system graphically allocated funds in the texts Yu. V. Trifonova / Tradition and Innovation in Philology XXI century: a view of young scientists: Materials of All-Russian Youth Conference / otv.red. T. A. Demeshkina. – Tomsk : Publishing house Tom.un Press, 2012. – Pp. 167–171.
5. **Devyatkina A. G.** Polyfunctionality the highlighted word in the works Yu. V. Trifonova // Actual problems of literary criticism and linguistics: Proceedings of the conference of young scientists / ed. A. A. Kazakova. Issue 12. – Tomsk: Tomsk State University Publishing, 2011. – Vol. 1: Linvistika. – Pp. 96–99.
6. **Zhukotskaja Z. R., Vasilkova E. V.** Word-Logos: culturological potential // Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin. – 2012. – N 2(6). – Pp. 68–72.
7. **Zarechneva N. G., Chupakhin N. P.** The structure of theoretical knowledge and language communication // Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin. – 2012. – N 6(10). – Pp. 32–36.
8. **Zundelovich Ya.** Reception // The Literary Encyclopedia: Dictionary of Literary Terms: In 2 volumes / Ed. N. Brodsky, A. Lavretzky, E. Lunin, V. Lvov-Rahachou, M. Rozanov,

V. Cheshihina-Vetrinsky. – Moscow-Leningrad: Publishing House of the L. D. Frenkel, 1925. –
Т. 2. – P-Ya. – Col. 647–648.

9. **Trifonov Yu. V.** Favorites: Tale. – Moscow, 1997. – 496 p.

Devyatkina Anatasiya Gennadievna – the post-graduate student of faculty of modern Russian
language, Novosibirsk State Pedagogical University.

E-mail: devyatkina.anastasiya@yandex.ru